

***

повторю уже в который:
«я» стирается в «Росси...»
а лишаешься опоры
то в себе её носи
сколько можно сколько надо
это видеть и молчать
огради меня ограда
охрани меня печать

ходят кони над рекою
ты неси меня река
ходят кони с ними трое
ждут четвёртого пока
след копытный рожь золотая
и куда ни бросишь взгляд
не видать конца и края
тишина стоит такая
тишина стоит такая
молча с косами стоят

где воронка рядом с домом
где разбита колея
ну-ка дети скажем хором
воронк воронка ворон
это родина моя

не вини не соблезнуй
приучай себя к труду
сколько гусениц железных
соберёшь в своём саду

обескровленные осы
и бескрылые шмели
дети учимся доносы
что вы дети принесли

воробья для ямочки
овода на палочке
смерть давай в считалочки

***

шум листового железа на лом
спутанных проволок ржавые гнёзда
серое море из шиферных волн
каплями вниз ледяные наросты

долго смотреть и тебе надоест
что это между провал или проблеск
столб или дерево кажется крест
поиск себя а похоже обыск

свет закругляется
что за стеной
там электричества тянутся стебли
там отвечают вопросом на твой
камни слепые давно ли ослепли

время пускает по кругу стрелу
к чёрному там припадают стеклу
верят вранью потому и не свергли
страх берегут поклоняются смерти
выбрать не могут но выбрали мглу

я это видеть уже не могу

***

Ни в мести и ни в милости.
В чём справедливость? В силе?
Затем и дали вырасти,
что всех потом убили.
А были кости твёрдые,
платочки кружевные.
Когда вернутся мёртвые,
тогда поймут живые.

***

Стоят следы в осколочной воде,
у лужи сходят корки ледяные.
Прав пессимист – в возникшей пустоте
он видит смысла, не то что остальные.
И бьётся лёд, как билось бы стекло, –
нельзя же не проверить прочность брода.
Прав пессимист, ему не повезло,
есть в этом притягательное что-то,
что можно ушивать пустотой,
ломать и разрушать себя, поскольку
и это тоже значит быть собой,
не вам судить о целом по осколку.
И ближе, чем чужой самообман,
уныние своё, свои надломы.
Как в воду лёд и как вода в туман –
мы травм круговорот, известно кто мы.

Как спички отгорели черноголовки мака.
И яблоки, и листья – всё переходит в гниль.
Корсет коры расстёгнут, видна его изнанка,
к стволу приставлен черенок-костыль.

Калпак узоры по деревянной ткани:
оранжевый и жёлтый, за лоскутом лоскут.
Плоды под лёгким снегом теперь лежат как камни.
Так, потеряв последнее, растут.

И так себе находят в развалинах опору,
и держатся за почву всей глубиной, и так
ещё надеются на светлый день, в котором
цветёт синап и вспыхивает мак.

***

Когда заканчивался минус
и вверх подпрыгивала ртуть,
я замечала: жёлтый вырос,
и шла гулять куда-нибудь.
А город, к празднику готовый,
уже стоял навеселе.
На остановке пахло сладкой,
собаки спали на земле.
Летали в воздухе пакеты,
бумажки плавали в грязи,
и мальчик, в лёгкое одетый,
садился в белое такси.
Во всём предчувствуя удачу,
смеялась юность и ждала
(не так, как ждёт больной лежачий,
а так, как крови ждёт игла).
Я шла по набережной к парку,
там музыкант для денег пел,
а ворон всем бесплатно каркал,
пока на дереве сидел
(оттуда было видно трубы,
в другую сторону – вокзал).
Я подставляла солнцу губы,
а мне их ветер целовал.
С тобой не встретившись ни разу,
я шла, сверяясь по звезде.
Весна была – как метастазы –
не только в лёгких, а везде.
Я шла и шла, земля кончалась,
«вчера» звучало как «пчела».
А в парке девочка качалась
и нежность розовым цвела.

***

Наверно, да, я чувствую вину,
что бросила, оставила одну,
хотя никто верёвкой не привязан,
хотя когда мы вместе шли по дну,
на этой почве мы сдружились, ну
а до того не виделись ни разу.

А по другую сторону волны
остались те, кто помнить не должны,
наверно, да, я чувствую обиду,
хотя никто меня не покидал,
а жизнь свою налаживал, не ждал,
пока со дна я поднимусь и выйду.

Как хорошо сидеть на берегу,
не звать, не знать, кто перед кем в долгу,
а жизнь начать и кончить параноюю.
Мне лучше быть с собой наедине,
чем быть на дне, в обиде и вине.
Здесь только я. Я остаюсь со мною.

***

Во всю длину зауженной межи,
нарушив все предчувствия и сроки,
гусиный пух белым-бело лежит
на выпуклых полях и на дороге.
«Когда мы полетим в свои края?» –
они молчат и спрашиваю я.
Лиса бежит, следа не оставляя.
Там косточка припрятана моя
до будущего сада и сухая
трава лежит, готовясь воскресать,
сама себе и мачеха, и мать.

Во всю длину зауженной межи
стоял бы свет, но день теперь короткий.
Подсолнух неба голову сложил,
и уложилось прошлое в коробки.
Но сколько ни откладывай отъезд,
я помню то, что времени в обрез,
пришла пора подсчитывать убытки,
что год прошёл с бедой наперевес,
родных берёз посадки и отсидки
кто долго наблюдал и будет впредь,
но сколько можно плакать и смотреть?

***

На кладбище подснежники цвели.
Мы прогребли могилы перед Пасхой
и, оторвав сухое от земли,
снесли на простыне траву и мусор.

Я думала о сродстве и родстве,
какая в нас ещё сокрыта сила...
Коровка божья ползала в листе,
семейство муравьёв домой спешило.

И свет стоял известкой у коры,
и день сиял, где крыльями ложили.
Уже вошли зелёные ковры,
серёжки появились на лещине.

Твои дары по-прежнему щедры.
Мои долги по-прежнему большие.

***

Зло сильнее, но правда не в силе.
Это в фильме сказал персонаж,
а не в фильме его бы убили.
Отче ваш, говоришь? Отче наш.

Мало крови? Действительно мало?
Хочешь больше добавить в сюжет?
Зло и раньше всегда побеждало,
и сейчас победило уже.

Нет, не так, то есть дело не в этом,
справедливость – иллюзия, но.
Как мы звёзды на небе заметим,
если в небе не будет темно?

Это пафос, но он неизбежен,
без него я сказать не смогу.
Жизнь другая, а люди всё те же,
так же смерти желают врагу.

Что же делать? Дождаться финала,
до конца этот фильм досмотреть.
Смерть и раньше всегда наступала,
чьей победой считается смерть?